

Мошки / рассказ

Category: Heкаýalar, Kitарсу

написано kitарсу | 24 января, 2025

Мошки / рассказ МОШКИ

Коридор больницы пахнет пирогами и хлоргексидином.

Ловлю взгляд молодой медсестры и слышу откуда-то трухлявый голос:

– Молодой человек, бахилы!

Вскальзываю в бахилы и шуршу в них как лыжами по свежему снегу к регистратуре. Тетка с подведенными ярко-синими глазами, замечая краем глаза, что я стою у окошка, демонстративно отворачивает голову, перекидывается с другой медсестрой парой фраз и только после этого великодушно обращается ко мне.

И, взглянув на меня, замолкает от удивления.

– И давно у вас... это?

Молодая врач-аспирантка явно не знает, как со мной обращаться – то пытается говорить мягким голосом, то делает вид, что все в порядке.

Мы сидим в темной комнате – так называют ее между собой доктора, хотя комната действительно темная: горят только две лампы, все остальные силуэты теряются в очертаниях (поскольку помещение действительно большое). Мы с девчонкой не одни – за соседним столом пытаются втиснуться в освещение молодой врач и другой больной. Первый время от времени косится на меня (видимо, за полчаса, проведенные в больнице, я стал легендой).

– Ну... полгода.

– И вы только сейчас обратились?

Она совсем не покрашена, у нее жидкие бесцветные волосы и капельки пота над верхней губой – волнуется, но почему-то я все равно заносу ее в категорию симпатичных. Наверное, из-за длинных ног.

– Думал, может, рассосутся как-нибудь сами.

Готов поспорить, что врач, мучающий кого-то на стуле рядом, издал нервный смешок.

– Смотрите на меня, – говорит аспиранточка.

В следующий миг я слепну: она светит мне в левый глаз какой-то маленькой лампочкой-фонариком. Отсчитываю несколько секунд, но пятно цвета молока с маслом заполняет весь обзор; и только правым глазом сквозь выступающие слезы едва-едва схватываю расплывающиеся контуры девушки.

Смотрите влево вверх. Еще вверх. Вон туда. Теперь вправо.

Это не прекращается черт знает сколько времени, соседние и пациент и врач уже давно сменились на других, а она все вглядывается в мой глаз. Точнее в то, что видит в нем.

Смотрите влево вверх. Спина затекает.

Начинаю видеть собственные сосуды. Они синие и тоненькие. Почему не вижу главного?

Точно, вспоминаю я. Мне же закапали что-то перед походом в темную комнату – что-то, расширяющее зрачки. После этого я перестал видеть вблизи, а уж настолько вблизи, наверное, и подавно.

Вдруг чувствую, что девушка отвлеклась, и слышу за спиной чей-то красивый голос:

– Ну что, увидела что-нибудь?

Шаги – я, уже почти полностью ослепший, разбираю высокого человека, склонившегося надо мной.

– Михаил Николаич, тут много интересного, – говорит аспирантка неестественно высоким голосом.

– Сейчас посмотрим.

О нет, думаю я, о нет. Сосуды становятся отчетливее.

Через бесконечность меня наконец отпустили и отправили погулять по коридору.

Погулять не получилось – голова разболелась так сильно, что тяжело было шевелиться, поэтому я сел, благо по всей длине коридора расставлены грязно-бежевые банкетки.

Из плохо заклеенных окон поддувает зима.

Из других пациентов – только прогуливающиеся парочками бабульки (почему-то у всех руки сложены за спиной). У дежурной стойки ждут медсестру мать с дочкой – похожи друг на друга, но до смешного разные – первая красивая, несмотря на возраст, говорит смелым уверенным голосом, зато вторая почти уродлива,

от низенького роста (который у матери смотрится даже хорошо) до полных икр, большая голова и взгляд в пол. Она сама явно чувствует свою нелепость: сутулится и смотрит на свои убогие сапоги (которые еще и в бахилах).

Отвратительно. Ухожу.

Ухожу к себе в палату.

Пока меня не было, приехал новенький – я услышал его еще в коридоре, таким громким голосом он говорил.

Его родители сразу пристали ко мне с любезностями, но после того, как я взглянул на них левым глазом, неловко замолчали (видимо опасаясь, не заразно ли это).

Вскоре они ушли, новый сосед закончил раскладывать вещи, накинул куртку и, захватив с собой пачку сигарет, отправился курить.

Я заметил на его тумбочке книгу с закладкой, это была «Илиада». Усмехнувшись, обозвал его Гектором.

Следующим утром нас разбудила медсестра: она прошлась по коридору с криком «Капаться!» – и я, поморщившись от этого издевательства над благозвучностью речи, побрел вместе с полумертвыми бабульками в другой конец коридора за каплями.

В очереди замечаю вчерашнюю уродину – удивительно, но за ночь она будто стала еще уродливее, в спортивных штанах и с завязанным из мочалки волос хвостом.

Встаю рядом с ней, спасаясь от пахнущих мочой стариков, и ничего не говорю.

Она, видимо польщенная моим вниманием, сутулится еще сильнее, а когда к очереди присоединяется утренний Гектор со своими длинными нечесаными волосами, и вовсе старается раствориться. Ей, в общем-то, необязательно это делать: Гектор скорее предпочел бы одну из бабулек, чем ее. От скуки мы обмениваемся болтовней, пока не подходит моя очередь – я сажусь на кушетку, медсестра грубо поднимает мою голову за подбородок и выливает капли куда-то мне на веко.

Второй раз я увидел вчерашнего Михаила Николаевича во время утреннего обхода – и теперь, прозревший, сразу понял, почему

аспирантка засмушалась от его присутствия.

Даже смазливейший Гектор как-то выцвел, когда в палату вошел этот высокий мужчина в белоснежном халате, будто подсвечивающем его и без того белое лицо.

Поинтересовавшись у Гектора, как тот себя чувствует, Михаил Николаевич сел на край моей кровати. В руках его были бумаги и ручка.

Несколько секунд он смотрел мне в глаза – точнее в один глаз, а потом спросил все тем же ровным красивым голосом:

– Расскажите, какие у вас ощущения. Боль мучает? Или, может быть, просто неприятно?

Я задумался. Как описать то чувство, когда в твоём глазу поселилась стайка насекомых?

– Ну, я чувствую, как они ползают, вижу их. В общем, больно только когда они лезут под веко.

Михаил, Майкл, Мишель, Микеле, Михаэль, Микаэль.

Ручка в пальцах моего врача трепещет, как меч в руках архангела Михаила.

Каждое утро, через час после капель делают уколы под глаз. Перед тем, как зайти в кабинет, я дожидаюсь своей очереди, слушая вопли детей и уговоры родителей – это довольно болезненно.

Это довольно болезненно, думаю я, пока уколы ставит врачиха с голосом военного и оплывшей шеей; но однажды она задерживается в кабинете, в который допускаются только избранные больницы сей, и уколы приходит делать Микаэль.

Его игла впивается в мое лицо почти нежно.

Гектора каждый день навещала его девушка, а я так и не смог определить для себя, красивая она или так себе – волосы прямые длинные и мягкие на вид, как я люблю, губы тоже ничего, да и пахнет от нее всегда хорошо, но иногда она так кривит лицо (сама того не замечая), что становится ничуть не лучше моей знакомой уродины.

Сегодня она рановато: Гектор ушел на свои процедуры; мы остались в палате вдвоем и не разговаривали – она сидела спиной ко мне, пока я пододвигался к ней поближе.

Она, почувствовав что-то, обернулась, нервно улыбнулась мне и убрала волосы за ухо. Я протянул руку, коснулся ее плеча. Потом меня затошнило – то ли от головной боли, то ли от пересахаренного запаха ее волос.

– Почему ты называешь эту штуку мошками? – спрашивает Гектор.
– *Questi sciaurati, che mai non fur vivi*, – бормочу я и отвечаю уже громче: – вижу жилки на их крылышках.
Медсестра ругается, потому что мы не выключили свет (а уже одиннадцать часов).

Мы с уродиной гуляем по центру города – безлюдному, потому что прошел дождь, только пачки сирени висят на кустах и трясутся. Уродина смеется и что-то рассказывает, даже пытается шутить – выходит неплохо.

Но голос у нее ужасный, думаю я.

Она рада запаху сырого асфальта, а мои промокшие носки в промокших кроссовках противно хлюпают.

Сворачиваем на нелюбимую мной улицу – и натываемся на Гектора – он с гитарой на углу дома, играет что-то претенциозно-занудное. Впервые замечаю, какие худые у него ноги.

– Прелесть, – говорит моя уродина.

Поворачиваю к ней голову и удивляюсь – рядом со мной не уродина, а гекторова девушка; она берет меня под руку, прижимается головой к плечу и улыбается. Ее волосы очень приятно пахнут.

Голос ее как был ужасным, так и остался.

Закрываю глаза, вслушиваясь в музыку Гектора, и чувствую, как насекомые под веком шевелятся сильнее. Щекотно.

У больницы два крыла – мужское и женское; но между ними есть довольно большая площадка с круглой лестницей на второй этаж, вверху можно даже разглядеть листья каких-то растений. Почти никогда не видел, чтобы туда кто-то поднимался.

Наверное, там обитают те, кто лечится платно, но мне не хочется так думать.

Ночью из окна видно здание вдалеке – его когда-то строили, но теперь забыли, так что оно осталось без крыши, а окна

превратились в раскрытые черные рты.

Еще видно темные лишаевидные стволы тополей. И расползающихся по верху оконной рамы насекомых.

– Каи-фа-пос-тыдись людей,

Га-Ноцри-сми-рный иудей,

– напеваю я и отхожу от окна.

– С тобой все в порядке, – утверждает Гектор.

Я почти готов ему поверить, но потом становится очень больно. Как будто мозг не вмещается в череп и подпирает его. Давлю на макушку – вдруг поможет удержать его внутри.

В двери палаты появляется Микаэль. Смотрит сначала на Гектора, потом переводит взгляд на меня. Не моргает. И вдруг начинает улыбаться.

Его улыбка разрастается куда-то за пределы лица в нечто, не принадлежащее человеку, и мне впервые приходит в голову мысль – это мошки ломают мне зрение, калеча реальность; да, они-таки нашли способ прогрызть тяжелый тесный череп, это они, они точат мозг своими зубами-ножами, это их мягкое копошение внутри головы я слышу посреди тишины.

Я оглядываюсь на Гектора – тот выглядит неожиданно ужасно, с сальными волосами на влажном от пота лбе, пожелтевшим лицом и глазами – заплывшими, без тени мысли или эмоции, с тупым выражением в них.

Я чувствую отреченное сочувствие, жалость и тысячи мошек у меня в голове шевелят крылышками, и санитары, видимо, заметив мое недоумение, напрягаются – один коротко шепчет что-то другому, глядя на меня, и делает шаг вперед, держа наготове шприц.

Не только вижу биение крылышек о мою слизистую глаза – уже почти слышу жужжание и впервые пугаюсь, тянусь пальцами к глазу, но, спохватившись, останавливаю себя – нельзя так, нельзя, я же разумный человек и потом пожалею об этом, да я уже жалею, слишком малодушно, со мной все в порядке.

Одна из мошек выбирается наружу и ползет к переносице. Кричу. Кричу.

Об авторе: ТАТЬЯНА НИКИТКОВА

Родилась в Рязани. Студентка Литературного института им. А.М.Горького. Пишет прозу и стихи. Некаýаlar